

ПЕРСОНА

Почему-то принято считать, что удел кавказской женщины — дом, кухня, дети и полная зависимость от мужа. В таком случае Тамара Гвердцители — нетипичная кавказская женщина. Всю жизнь ей приходилось принимать решения. Порой самые радикальные. В 91-м уже известная певица, любимица Грузии, впервые отважилась на отчаянный шаг — рассталась с мужем и уехала из раздираемой гражданской войной республики. Да и потом судьба неоднократно предоставляла ей шанс начать жизнь с белого листа. А Гвердцители и не думала уклоняться от вызова. Контракт с Мишелем Леграном и беспокойный Париж, муж-миллионер и благополучный Нью-Йорк — все не то. Она выбрала Москву, надежного спутника жизни и близость к родне. Долгожданная стабильность? Как бы не так. Именно сейчас популярная певица в который раз готова начать все сначала.

— Просто голова идет кругом — сейчас столько дел. Значит, так. — Тамара начинает загибать пальцы. — Есть предложение участвовать в одной театральной постановке. Мюзикл "Дон Кихот" в Театре Российской армии. Кого сыграю? Дульсинею, конечно (смеется). Потом... В Киеве задумали грандиозный проект — на центральной площади собираются поставить оперу "Кармен". Ну, не совсем оперу, скорее смесь оперы и эстрады. Там будут петь многие известные исполнители из Испании, Франции, Италии... Вроде бы заинтересованы в моем участии. А еще есть предложение сняться в главной роли в одном историческом фильме. Все, больше ничего не скажу — боюсь сглазить.

— Опера, театр, кино...

— Да, я теперь, как министерство культуры (смеется). Вы знаете, иногда жизнь намного более дерзкая, чем твои мечтания. В молодости, когда у меня состоялась всего лишь одна встреча с Параджановым, я, глядя на него, небожителя, даже не осмеливалась мечтать, что когда-нибудь буду сниматься в кино. Так же, как если бы кто-то мне сказал, что я хотя бы минуту буду петь с Мишелем Леграном, — ни за что бы не поверила. Жизнь порой преподносит массу сюрпризов. Иногда вот кажется: рутина сплошная, ужас, как вырваться. Думаешь, ну что еще можно сделать в этой эстраде. И вдруг перед тобой открываются совершенно новые двери. И ты успокаиваешься. Понимаешь: если бы не было этой эстрады, не было и всего остального.

— А что, музыка вам уже надоела?

— Нет, именно эта музыка, эстрадная. Уже не знаю, что с этим успехом делать.

— Как что? Пользоваться.

— А-а, это еще тоже надо уметь. Как говорят: главное — не кто придет к власти, а кто воспользуется этой властью. То же самое можно сказать и про успех. Уже кажется, что и училась напрасно. Не надо было для этой эстрады заканчивать две разные консерватории, часами заниматься, мучиться. Для сегодняшней эстрады это просто противопоставлено. Кто-то начинает метаться — куда бы еще себя приложить. Вот тогда и начинается: кино, театр, опера...

— Получается, вы сейчас тоже мечтаете?

— Да. Мне кажется, я уже выросла из песенного жанра, как подросток вырастает из детского платья. У меня ведь уже был момент, когда я могла начать все с белого листа. В 91-м году в Париже мне предложили поступить в оперу "Бастилия" и тем самым перечеркнуть все, что было найдено здесь. Тогда я не осмелилась принести карьеру эстрадной певицы на жертвенный алтарь. Потом, конечно, сожалела. Даже отчаялась. Но тогда еще и момент такой был. Момент отчаяния. Страна распалась, в Грузии — война. Началась... нет не черная, но абсолютно бесцветная полоса в жизни. Когда ты не знаешь: кто ты такой, откуда ты, кто за тобой стоит. Ну просто иди и топись.

— Но вы же тогда решили вопрос кардинально: уехали из Грузии, расстались с первым мужем. Получается, сами перечеркнули все, что было до того.

— Все, кроме музыки. Нет, тогда еще я не обладала тем мужеством, чтобы перечеркнуть в своей жизни все. Я, как женщина, которая всегда ищет компромиссы и пытается избежать уж очень кровотокающих ран, долгие годы жила в Москве в гостинице. Утешая себя тем, что я пока только в пути, и Москва — всего лишь очередная остановка. Перед возвращением домой. Вроде бы я ниоткуда и не уезжала, и никуда не

Тамара Гвердцители:

Tenor.

"Для этой эстрады не надо было заканчивать двух консерваторий"

Сандро, Тамара и Сергей.

Царица Тамара

приехала. Вот эти полумеры, может быть, и сделали тогда мою жизнь менее драматичной.

— И сколько лет вы таким образом просидели на чехонадах?

— Два с половиной года.

— И все-таки уехали. Слышал, многие в Грузии вас упрекают за этот шаг. Нани Бревардзе, например, сказала, что никогда бы не смогла решиться на такой поступок.

— Она бы не смогла... А я смогла! Конечно, всегда найдутся люди, которые будут осуждать. Тем более в такой маленькой стране, как Грузия. Люди всегда делятся на тех, кто что-то делает, и на тех, кто их за это осуждает. Но на самом деле, мне кажется, страна не может осуждать своих детей. Она может их только любить. Лично у меня отношение к Грузии, как к матери родной. Я стараюсь не делать ей больно, и в меру своих сил пытаюсь ее прославлять. А в Грузии, конечно, отношение ко мне болезненное. Они хотят, чтобы я всегда была рядом, и верят, что как будто бы я уехала куда-то учиться и скоро вернусь уже с накопленным багажом.

— В 91-м году, когда Грузия раскололась надвое, многие артисты брали в руки оружие и вставали на баррикады. Много упреков услышали в свой адрес?

— Не думаю, все-таки я женщина. Была бы

я мужчиной, может быть, действительно встала бы на чью-то сторону. А во-вторых, мне кажется, что политика — это бизнес. Ей надо заниматься, как и музыкой, и балетом, и кино, — серьезно. А если уж вспоминать те события, так я застала и трагедию 9 апреля 89-го, и 91-й, когда началась гражданская война. Но я понимала, что у меня растет сын и надо что-то решать. Я решила уехать. А вскоре у меня началась большая жизнь в Париже, и в этом оказалось мое спасение. Все-таки правильно говорят, что, отнимая, судьба что-то дает взамен. И в тот тяжелый период в моей жизни возник Легран и, на минуточку, планы через год выступить в Карнеги-холл. Естественно, вся моя энергия была направлена на то, чтобы осуществить эти планы.

— Я слышал, что ваш первый муж Георгий в то время с головой окунулся в политику. Из-за этого распалась ваша семья?

Повисла долгая пауза. Тамара явно подбирала единственно верные слова.

— Если люди должны расти, они и без всякой революции расстанутся. Это судьба. Именно в тот период оказалось, что у нас слишком разные взгляды на многие вещи. Я помню, как тогда себя чувствовала, как выглядела. Иногда смотрю свои старые фотографии и не могу себя узнать — в глазах вся скорбь грузинского народа... Вы знаете, эту статью будет читать мой сын Сандро. Я бы не хотела подробно рассказывать о наших с Георгием отношениях. Для него мы — обожаемые родители, давайте обойдемся без деталей.

— Давайте тогда о Франции. Как говорите, вам тогда выпал уникальный шанс: Париж, Мишель Легран, престижные залы. Как думаете, этим шансом вы воспользовались сполна?

— Вы знаете, все-таки талант, наверное, не дает возможности воспользоваться шансом в полной мере. Потому что воспользоваться шансом — это уже совершенно другой талант. Как музыкант и как певица в этом сотрудничестве я сделала все, что могла. Те годы я вспоминаю как очень счастливый период в моей жизни. И никак не могу его рассматривать как мучительную работу над использованием какого-то шанса.

— Как на вас вышел Легран?

— Это я на него вышла, вернее, мой агент. В 92-м году он послал в офис Леграна мою кассету. Там сидит комиссия, которая рассматривает, что можно дать маэстро прямо в руки, что будет достойно его внимания. Моя кассета оказалась в числе счастливых. Не знаю, как Мишель Легран оценил мои песни, но уже через два дня нам позвонили и назначили встречу. Я приехала в его замок под Парижем. В гостиной стояли два роля, мы вместе немного помузицировали. Он спросил меня: знаю ли я его музыку. На что я сыграла, наверное, тем десять из его произведений. На него, я видела, это произвело большое впечатление.

— Однако когда закончился контракт, вы уехали из Парижа. Не было желания навсегда остаться во Франции?

Здесь Тамара во второй раз надолго задумалась.

— Это вы задаете мне вопрос об эмиграции?

— Вам неприятно об этом говорить?

— Меня просто трясет от этого слова. Эмиграция — очень болезненная тема для человека из Грузии.

— И во Франции, и в Штатах вы ощущали себя эмигранткой?

— Нет. Одного шага было достаточно, чтобы оказаться по ту сторону реки. И, наверное, такие мысли время от времени у меня возникали. Насчет Америки... Как мать, я понимала, что Сандро там будет хорошо. Но у меня в этой стране произошла какая-то потеря цвета. Не знаю, поймете ли вы меня. Вкус, цвет, аромат, терпкость... Если подойти к этим ощущениям чисто физически, то всего этого в Америке я лишилась. У меня не было ни друзей, ни врагов.

— Все равно — никаких эмоций. И я, как человек, привыкший в своей жизни к революциям и к борьбе, не могла с этим смириться. Поэтому когда снова приехала в Париж, вдохнула с облегчением. Меня как будто по голове чем-то тяжелым ударили, как будто зрение вернулось — я начала снова различать цвета. Поняла, что здесь можно хоть на чердаке заново жизнь начинать, жить на Монпарнасе и ощущать эту жизнь на все сто. Нет, Париж — это моя любовь навсегда. Может быть, единственное, что меня в жизни никогда не разочарует. Но в то же время я понимала, что не могу долго находиться вдалеке ото всех. А для чего мне быть звездой, если рядом нет мамы, сына. Тогда я и предстала и ощущать эту жизнь надо находиться в отрыве от своей родины. Здесь, в Москве, хоть близко: сел на самолет — и через два часа уже в Тбилиси...

— Ну а из Парижа долетели бы за четыре.

— За три (смеется).

— Вот именно. Всего на час дольше.

— На час дольше. Но ментальная очень большая разница. Мне и здесь сложно. Москва — сумасшедший город, мегаполис. Но я хочу понять этот город, уловить его гармонию. Как ребенок, радуюсь, когда здесь меня кто-то узнает, кто-то здоровается. Сразу возникает ощущение какой-то принадлежности к этому городу. Хотя никто не станет москвичом лишь оттого, что живет в центре Москвы. Но мне так же, как и любому москвичу, радостно, когда здесь происходит что-то хорошее, и так же больно, когда здесь что-то не так. Ощущаю сопричастность, а это уже немало. Но звездой, как ни странно, я себя больше чувствовала в Париже, чем в Москве.

Представляете, иду я по парижским улочкам, а двадцать минут назад мне рукоплескал зал "Олимпия". А здесь, если приедешь на какой-то концерт и без охраны... — Скажут, что не того сорта? — Ну... Иногда у меня складывается ощущение, что я попала в детский сад. Такая игра постоянная: кто круче. И каждый в своем роде маленький диктатор. А мне кажется, женщина вообще не может быть диктатором. Она может быть только царицей, и только в таком качестве управлять.

— Дня царицы у вас и имя подходящее.

— Да, я стараюсь его отработать... Смейтесь, конечно. Но по мне лучше чувствовать себя царицей, чем суперзвездой. Когда к тебе приближается простой народ и говорит слова восторга... Сейчас, правда, я слышу их гораздо реже, чем раньше, когда были настоящие таланты и настоящие поклонники. Но когда все-таки случаются такие моменты, наступает ощущение, что происходит встреча царицы со своими подданными. И это прекрасное ощущение. Женщина, если хочет как-то проявить себя, не теряя при этом женского облика, должна быть только царицей. Я вот придумала для себя такой мир, и в этом мире я — царица.

— Тяжело, наверное, быть царицей.

Маэстро и его певица: Мишель Легран и Тамара Гвердцители.

Нужно ведь всегда держать себя на уровне. — Не обязательно. Она же царица — ей можно все. У нее никто не будет спрашивать, сколько она весит и любит ли ее муж. Просто потому, что он — король.

— Если вы — царица, ваш муж — король, то у принца-то как дела?

— У Сандро, у сына моего? (Смеется.) Дела очень серьезные. Ему уже 18 лет, учится здесь — в Британской школе. Сейчас, правда, находится в Грузии. Как только наступают каникулы — сразу туда. Там отец, дядя, двоюродные брат и сестра — естественно, кавказские люди без семьи не могут. Нет, сыном я очень довольна. Сандро обладает настоящими мужскими качествами — сильный, в душе бунтарь, но в то же время очень нежный и трепетный. А сила и нежность так замечательно сочетаются в мужчинах!.. Знаете, когда мы идем вместе, многие думают, что я его герл-френд. А уж если я прихожу на родительское собрание, он сразу всех предупреждает: "It's my mam". Чтобы не было лишних вопросов. Я так рада.

— Он еще не знакомил вас со своими подружками?

— Есть звонки инкогнито, в трубке часто слышу голоса девушек с акцентом. Звонят из США, из Скандинавии — ну все его подружки по колледжу. Но про своих девушек он мне не рассказывает — у кавказских мужчин это как-то не принято. Грузины безгранично любят своих родителей, но существует грань, через которую они не переходят. И это, считаю, замечательно.

— Как Сандро отнесся к появлению в вашей жизни Сергея?

— У них замечательные дружеские отношения. Иначе и невозможно. У Сандро хватило мудрости, нет не мудрости — интуиции, ему же было всего 13, когда он познакомился с Сергеем, воспринять ситуацию так, как надо. Понять меня и принять Сергея...

— Вам не обидно, что ваше имя люди чаще всего связывают лишь с одной-единственной песней "Виват, король!"?

— (После небольшой паузы.) Я согласна, это самая сильная ассоциация. Если знаешь "Мамины глаза" — хорошо, не знаешь — ничего страшного. Пусть будет "Виват, король!" Но когда говорят про Пугачеву, тоже ведь в первую очередь вспоминают "Арлекино". Я вам честно скажу: сколько бы я ни старалась, пусть мне отведено еще лет тридцать, чтобы создать еще одну подобную песню — ничего не получится. Никто в жанре себя не перепрыгнет. В другой сфере — можно добиваться новых высот.

— Но собирается такое впечатление, что в своем репертуаре вы сознательно уходите от шлягеров.

— У меня нет цели стать еще более известной, чем я есть. Знаете, пишут про некоторых: "известный композитор такой-то", "известный художник такой-то". Но никому и в голову не придет написать напротив фамилии Пикассо — "известный художник". Пикассо — и так всем понятно. Понимаете? Я счастлива, что в огромной России у меня, человека из маленькой страны, с фамилией, которую многие и произнести-то не могут, есть хотя одна песня, которую знают все. Поверьте, уж если бы мне, пережившей столько революций, захотелось иметь в своем репертуаре еще несколько шлягеров, мне бы это удалось.

— Финансовые возможности позволяют?

— Да меня бы грузинская диаспора поддержала — никаких проблем. Но в том-то и дело, что в творчестве меня интересует только творчество. Что-то искать, находить, метаться. От "Виват, король!" до "Кармен". Может быть, всего несколько тысяч человек услышат, насколько замечательно я исполню Жоржа Бизе. Но для меня это не важно. И не важно, что постановки, в которых я собираюсь принять участие, не всемирного значения. Для меня важно, что это жанр всемирного значения. А хит — это не жанр всемирного значения.

Дмитрий МЕЛЬМАН.